

той разницей, по сравнению с литовским, что продление основы чаще префиксальное *делать — сделать, узнать — узнавать*, как особый подтип *ехать — наехать*; как и в литовском, в разных парадигмах здесь имеются паронимичные или омонимичные формы: *узнаю* будущ. — *узнаю* наст., *-еду* будущ. — *еду* наст.; 5) двувидовые глаголы, из которых исконных сохранилось очень мало, ср. *пасть*, бывший двувидовым еще в языке Пушкина (... *Восходят, зреют и падут.* «Евг. Он.», II, 38, 7); но сюда же нужно отнести тип, если не конкретные лексемы, глаголов, меняющих значение и вид при перемене субъекта, — *Рабочий подпер.../Бревно подпирало...* (см. выше).

В суммарном изложении, которым мы ограничимся вначале, границы между классами приближительны и условны, они будут уточнены при введении подклассов. Напротив, если разделить разнообразные оппозиции только на два крупных класса, то обнаруживается четкая внутренняя граница. При таком подходе в русском языке выходят на первый план две известные основные подсистемы категории вида: I — исторически более древний тип *делать — сделать, идти — найти, ехать — наехать*; II — исторически позднейший тип *выделать — выделывать, наехать — наезжать*. В литовском языке при этом отчетливо выступают две подсистемы диатез: I — более древний тип *berti* 'сыпать' — *birti* 'сыпаться', *mirkyti* 'мочить' — *mirkti* 'мокнуть'; II — более новый тип *gulti* 'лечь' — *guldyti* 'уложить', *ištempti* 'вытянуть' — *išsitempti* 'вытянуться'. Отношения между большими классами опять оказываются подобными. Во-первых, в древнейшем классе первичным по категориальным признакам выступает тот глагол, который в более новом классе оказывается производным и обратно: в славянском словообразование идет в древнейшем классе от глагола «неопределенного» вида к глаголу «определенного» вида или параллельно, в балтийском — от глагола переходного к глаголу непереходному или параллельно, в новом классе в обратном направлении — в славянском (соотв. русском) первичным оказывается глагол совершенного вида, к которому подстраивается глагол несовершенного вида, в балтийском к непереходному глаголу подстраивается каузативный, а к первичному переходному — возвратный. Во-вторых, в древнейшем классе в славянском изменение вида оказывается одновременно в той или иной степени изменением диатезы, ср. рус. *идти* — несов. вид и непереходный, *найти* — сов. вид и переходный; в балтийском изменение диатезы сочетается в той или иной степени с иным видовым оттенком, ср. лит. *berti* — переходно-каузативный и «неопределенный», *birti* — непереходный и «определенный» глагол со значением 'н а ч а т ь сыпаться', аналогично и в других парах. Этим древнейшим (первым) классом мы займемся подробнее: именно в нем ясно проступают следы некогда существовавшего совмещения видов и диатез в протобалто-славянской системе.

Против данной здесь постановки вопроса сразу могут быть выдвинуты следующие возражения. Во-первых, с точки зрения концепции вида, наиболее распространенной в русистике, отношения типа *делать — сделать* вообще не являются видовыми, а представляют лишь два различных так называемых «способа действия»; под видом в этой концепции понимают лишь отношения, существующие в рамках названного выше нового (второго) класса — типа *выделать — выделывать*. Если речь идет лишь о терминологической условности (называть «видом» лишь один тип видовых отношений и «способом действия» лишь другой тип), то с этим можно согласиться. Если же разделять эти два типа отношений, бесспорно, до некоторой степени разных — абсолютно и вообще, то с этим согласиться нельзя. В современной нам синхронной системе русского языка и способы действия включены в систему видов как одно из звеньев последней. В рамках нашей темы обоснование этого будет дано при анализе категории переходности/непереходности, которая как раз и является одним из средств, объединяющих различные звенья системы видов.